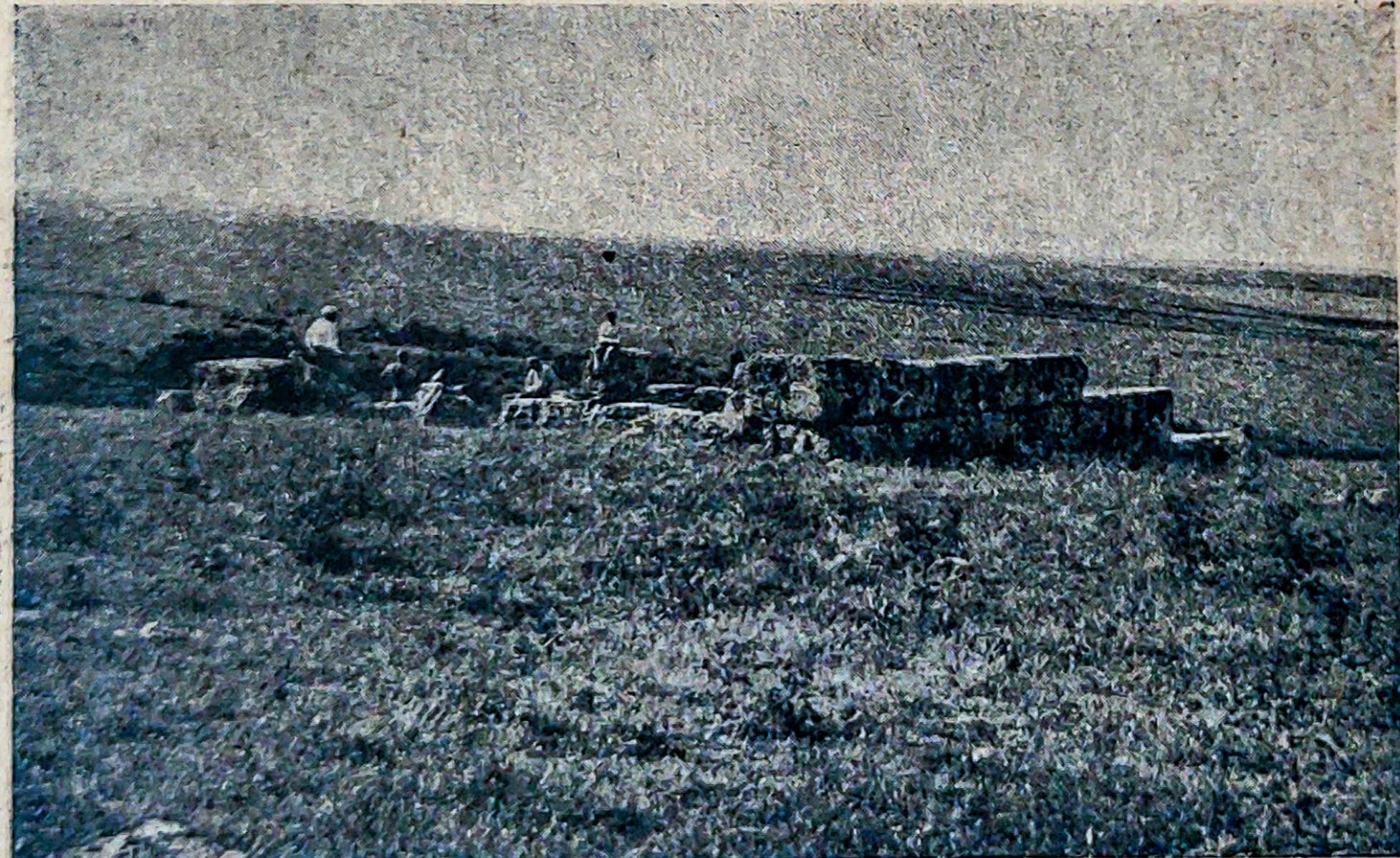

УГ 376
183

Проф. И. БОРОЗДИН

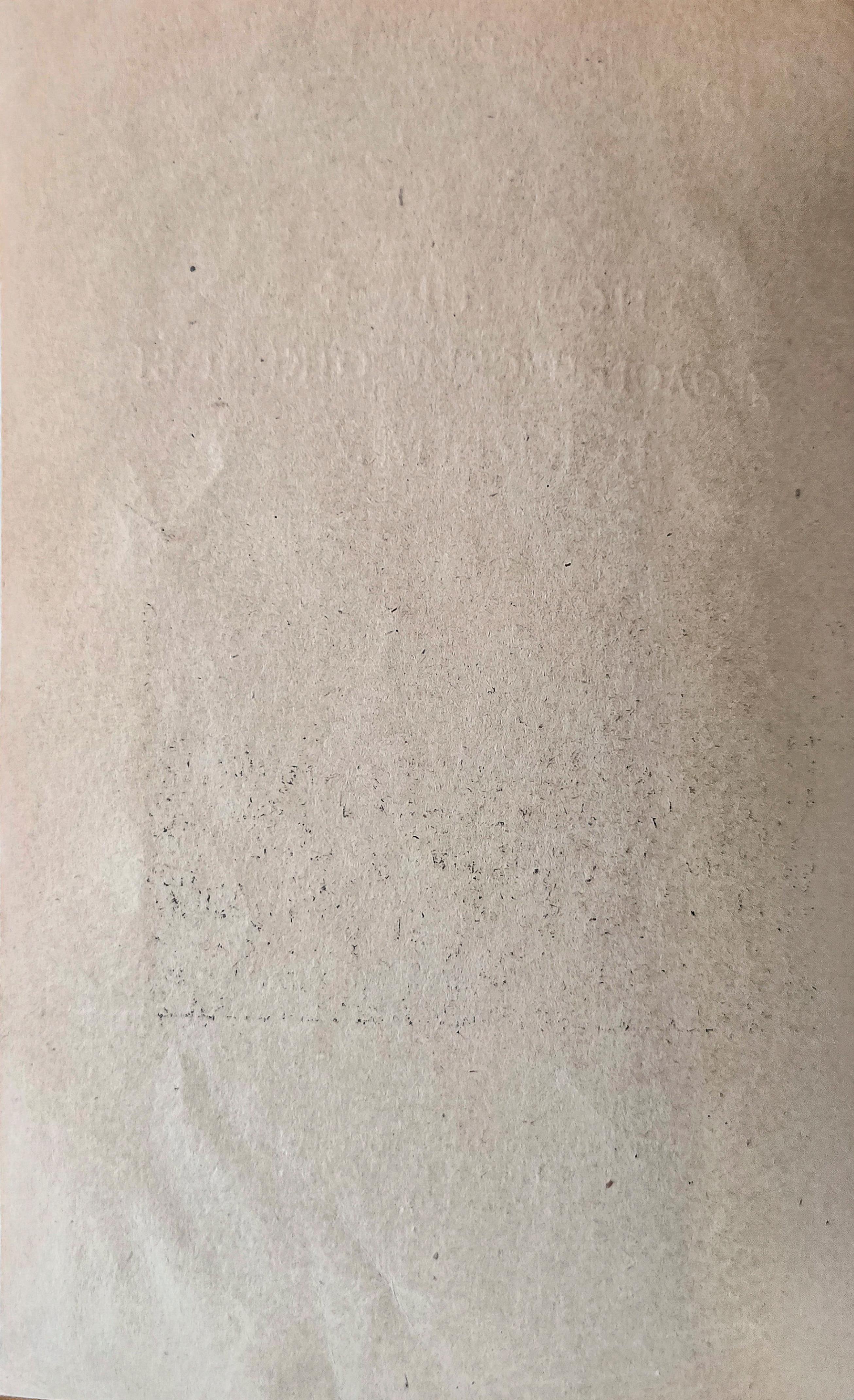
НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В КРЫМУ

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКО-
ВЕДЕНИЯ ПРИ Ц. И. К. Союза С. С. Р.

МОСКВА — 1925.

УГ 376
—
183

Проф. И. БОРОЗДИН

НОВЕЙШИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В КРЫМУ

(РАСКОПКИ НА ГЕРАКЛЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ)

НАУЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВОСТОКО-
ВЕДЕНИЯ ПРИ Ц. И. К. Союза С. С. Р.

МОСКВА — 1925.

Отпечатано

в типо-хромо-литографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“

— Мосполиграф. —

Москва, Арбат, Филипповский пер., 11.

Тираж 750 экз.

Главлит № 28.332.

Археологические раскопки на Гераклейском полуострове.

(Предварительный отчет о работах Крымской экспедиции Научной Ассоциации Востоковедения СССР в 1924 г.).

Археологические памятники Крыма издавна привлекали усиленное внимание ученых исследователей, искавших здесь разрешения первоочередных исторических проблем. Хорошо известно, какую роль играл юг России, в частности Крымский полуостров в судьбах античного мира, средневековья, нового и новейшего времени. Со времен доисторических и вплоть до наших дней здесь сталкивались интересы Востока и Запада, происходили своеобразные смычки и размыкания различных культур, то сосуществовавших вместе, то сменявших одна другую в беге столетий.

К Крыму в целях использования его богатств тянулись жадные щупальцы держав Востока, капиталистических центров Греции и широко размахнувшего свою завоевательную политику Рима. А далее следовали Византия, средневековые города Италии, Отоманская империя и т. д. вплоть до недавних весьма недвусмысленных покушений английского и французского империализма.

Территория Крыма буквально насыщена вещественными остатками пронесшихся по его лону культур. Изучение их представляет интерес в самом широком обще-историческом масштабе. Памятники Крыма подвергались отдельным частичным обследованиям, но отнюдь нельзя сказать, чтобы это изучение было в какой-либо степени исчерпывающим и всеобъемлющим. Если одни из памятников изучались более или менее систематично, то другие, наоборот, оставались вне поля зрения исследователей. Даже весьма характерные и показательные памятники антич-

ной культуры, лучше других изученной, далеко не все подвергнуты даже предварительному обследованию.

К числу таких не исследованных памятников относятся и памятники Гераклейского или Трахейского полуострова, расположенного в треугольнике, образуемом Севастопольской бухтой, маяком и бухтой Балаклавы. На этом полуострове, где отважными и предприимчивыми выходцами из Гераклеи Понтийской был основан город-колония Херсонес Таврический, кипела когда-то богатая и интенсивная жизнь. Херсонес был одним из крупных пунктов хозяйственного и стратегического значения на северном побережье Черного моря и играл немаловажную роль в греко-римскую эпоху. Ярко запечатлены на нем и времена византийского владычества и ранней экспансии Киевской Руси. Само собой разумеется, что руины этого много пережившего и много испытавшего государства-города представляют исключительный интерес. Недаром к ним издавна присматривались путешественники, попадавшие в те места и фиксировавшие свои наблюдения. Польский путешественник XVII века, королевский посланник Мартин Броневский не может скрыть своего изумления при виде представшего перед ним „мертвого города“: „Достойные удивления развалины явно свидетельствуют, что здесь некогда был великолепный, богатый, славный и многолюдный город с отличной пристанью. У самого берега пристани, а также во всю длину перешейка еще и теперь возвышается высокая стена, многочисленные и большие башни из огромных тесанных камней... Город уже много веков стоит пуст и необитаем и представляет одни развалины опустошения“¹⁾.

Раскопки самого города Херсонеса, начатые еще в середине прошлого столетия (здесь особенно следует отметить работы А. С. Уварова) и систематически поведенные с 1888 г. (не далее как осенью 1923 года мы праздновали тридцатипятилетний юбилей этих раскопок), дали очень многое и существенное. Теперь уже можно до известной степени реконструировать этот дорийский городской центр с особливым укладом греческого полиса, перенесенного на насыщенную иными культурными влияниями почву. Беспокойная и тревожная жизнь колонии, ее великих и малых дел, будней и праздников, дней расцвета и упадка — все это воскрешается археологическими раскопками. Но, если руины Херсонеса — эти подлинные „наши Помпеи“ подвергались углубленному, хотя все же еще незаконченному обследованию, то отнюдь нельзя сказать того же даже в самой минимальной степени по отношению к окрестным памятникам на протяжении всего Гераклейского полуострова. Все внимание исключительно центрировалось на развалинах города; вся окружающая местность — экономическая база государства-города осталась вне исследовательского поля зрения. А исследовать было и есть что!

¹⁾ Vroniovius (Броневский) — Tartariae descriptio 1595—1630. (Записки Одесского Общества Истории и Древн. Т. VI, стр. 341).

На всем протяжении Гераклейского полуострова, особенно на продолжении бухт Стрелецкой, Карабинной и Казачь-Камышевой, раскинуты остатки стен колоссальной кладки (т. называемой циклопической и квадровой), больших и малых сооружений, башен, кругов, тарапанов, некрополей, стен античных времен, цистерн, искусственных пещер (типа нимфеев) и т. п. Год за годом разрушаясь и уходя в землю, эти памятники, первоклассные свидетели напряженной и интенсивной жизни за

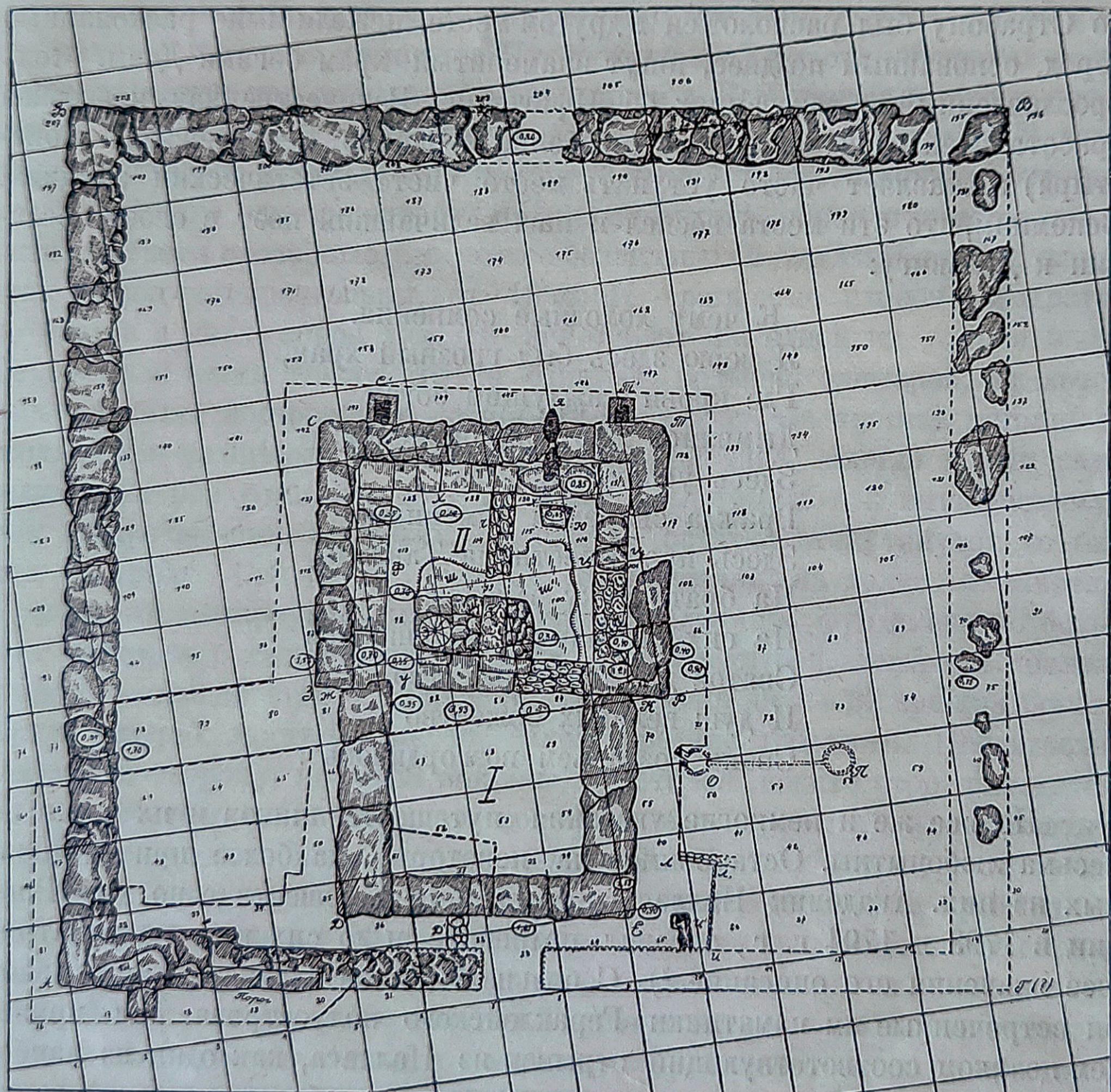

Рис. 1. План раскопок укрепленного пункта близ Александриады.

много столетий назад как-бы взывали к ученой пытливости исследователей, до самого последнего времени проходивших мимо них. Правда, нельзя сказать, чтобы памятники эти совсем не обращали внимания и чтобы о них не упоминалось в имеющейся о Крыме литературе. Напротив, в довольно многочисленных путешествиях и описаниях Крыма, начиная с конца XVIII века, мы находим упоминания и даже некоторые

описания интересующих нас памятников. Но все эти описания носят чисто - внешний и нередко предвзятый характер. Русские и иностранные путешественники, хлынувшие в Крым после его присоединения к России и особенно усиленно экскурсировавшие в начале XIX века, имели своего рода Бедекером никого иного, как греческого географа I века Страбона, оставившего наиболее подробное описание Херсонеса. И вот любознательные туристы ищут все по Страбону и интересуются тем, о чем у Страбона сказано. Производят поиски древнего Херсонеса, каковой по Страбону был расположен в другом месте, нежели ныне раскопанный город, основанный позднее, ищут знаменитый храм богини Девы, столь прославленный в сказаниях об Ифигении. Величественная и грозная красота всей этой местности (особенно в районе Георгиевского монастыря) заставляет часто уступать место чисто эстетическим эмоциям. Вспомним, что эти места воспел и наш величайший поэт в своем послании к Дельвигу:

„К чему холодные сомнения.
Я верю здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношения;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды;
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла:
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось“.

Но все же и немногие указания путешественников и их домыслы весьма любопытны. Остановимся на некоторых, наиболее примечательных из них. Академик Паллас, совершивший путешествие по югу России в 1793 и 1794 г. г., оставил подробное и до сих пор не утратившее значения его описание¹⁾. С большой обстоятельностью описывает он встреченные им памятники Гераклейского полуострова. Мы приведем целиком соответствующий отрывок из Палласа, как один из наиболее ранних и в то же время относительно подробных описаний занимающих нас памятников²⁾.

„Кроме многих больших четыреугольных совсем разрушенных стен окружающих четыреугольные и продолговатые поля (камни этих стен

¹⁾ Pallas — Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stadthälfte des Russischen Reichs 1794—1795.; Паллас — Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. Пер. Н. Рижского, 1795 г.; Путешествие по Крыму ак. Палласа в 1793 и 1794 гг. (Зап. Одесс. Общества Ист. и Др., том 12, 1881 г.).

²⁾ Зап. Одесс. Общ. Ист. и Др., том 12, стр. 108—110.

точно нарочно разбросаны), занимающих большую часть Херсонеса, иногда образующих улицы, и местами второстепенные перегородки, подобные описанным мной в древнем Херсонесе, при чем, одинаковые размеры сооружений как бы указывают выселки-колонии. Кроме всех этих остатков по всему Херсонесу встречаются одиночно рассеянные здания, из больших обтесанных камней, бывшие, может-быть, башнями, построенными для безопасности деревенских жителей на случай нападения тавро-скифов. Больше всего находят таких построек в стороне от города между дорогой в Балаклаву и прекрасными долинами с ключевой водой, где находятся хутора адмиралов Пустошкина и Ушакова. Я нашел этих построек между так называемым трактиром у Балаклавской дороги и хутором Ушакова на протяжении 4 верст к северу и югу и на 2 версты к востоку и к западу—по крайней мере 13; много других еще находятся, близко одно к другому, на пространстве почти полуторы квадратных версты около колодезя южнее балаклавской дороги. Большая часть этих башен четырехугольны, от 12 до 15 аршин по стороне квадрата, но иногда с двух сторон уже. Но все имеют на одной из сторон вход. От большей части уцелел только один ряд больших квадеров, из которых они были построены и которые часто имеют два аршина ширины и столько же толщины. У некоторых находятся два, иногда и три ряда таких квадеров один на другом. Многие примыкают к вышеупомянутым квадратам стен на полях. Некоторые остатки стен тянутся от башен на поля. Сейчас за хутором Пустошкина на холме я заметил правильный четырехугольный, в 12 аршин величины, фундамент из больших квадеров с выходом на запад; он обнесен другой, лежащей пониже стеной, имеющей с двух сторон 30, а с других двух—32 аршина длины; малый квадрат построен не на самой средине большого. Поблизости, немного в сторону, на краю лощины, в которой лежит хутор, находится здание, состоящее из двух касающихся один другого, продолговатых четырехугольников. Я видел тут, на одной стороне, четыре ряда лежащих один над другим квадеров. Недалеко оттуда есть еще продолговатый четырехугольник в 10 или 13 аршин величиной, сложенный из огромных квадеров, с выходом на юг, где, по отлогости, заметны также ограды стен. Между хуторами Юхарина и Ушакова я нашел на возвышенности значительную древнюю каменолому, в которой добывались из обнаженного известняка квадеры, подобные наблюдаемым в описанных сооружениях; некоторые квадеры еще были не вполне отделены от скалы, другие готовые еще не были увезены из каменоломни. В долине, где лежит хутор Ушакова, в 9 верстах от Ахтияра и не более как в полутора версты от Георгиевского монастыря, находится, один подле другого, много квадратных фундаментов из больших камней по обеим сторонам возвышенности; а прямо против хутора на южной стороне долины, сейчас у дороги, ведущей от Ахтияра в Георгиевский монастырь, находится основание одного большого строения. Много четырехугольных фундаментов

лежит здесь один подле другого; самый южный из них имеет 40 аршин по стороне квадрата и две ямы, наполненные камнями как-будто засыпанные колодези; посредине же лежит малый четыреугольник. К этому большому четыреугольнику с юго-западной стороны его примыкает чрез посредство продолговатого, открытого на северо-запад прямоугольника, величиной в шесть шагов, другой меньший квадрат, имеющий 15 аршин по стороне. Оба сложены из очень больших квадеров, которые в некоторых частях стены еще лежат друг над другом в три ряда. От юго-западного угла тянется на 80 шагов к сэ стене, которая далее поворачивает под тупым углом на север; близ поворота находится небольшой (14 аршин по стороне) квадрат, сложенный из квадеров, имеющих не менее 14 четвертей в длину и 7 в ширину и соединяющийся с упомянутой стеной угловатой поперечной стенкой; большая стена тянется далее мимо остатков других зданий и, пройдя не менее 200 шагов, теряется в долине. Так как эта долина есть самая прекрасная и плодородная на всем Херсонесе, то неудивительно, что она защищена была многими подобными укреплениями“.

П. Сумароков, писавший свои „Досуги крымского судьи“ на самой заре XIX века, упоминает о Гераклейских памятниках, давая даже план древнего Херсонеса. Но его описания скорее свидетельствуют об его литературных уклонах в духе модного тогда сантиментализма. Вот то немногое, что он упоминает в двух местах своего сочинения о написанных памятниках:

„Между Херсониса (то-есть второго) и мыса Партиенум (Георгиевский монастырь) находятся три пристани, а за ними встречают прежний разоренный Херсонис... Попирая ногами ничтожность, общий жребий всех вещей, я открывал тут некоторые стенки, длинные ряды из каменьев, на самом же мысу, как утверждают, находился фар или освещенный маяк для мореходцев. Ныне то знаменитое достояние греков составляет неважную дачу госпожи Алексияновой, на местах храмов, зданий, укреплений пасутся стада овец, все поприще града, претворилось в унылую, поросшую мелким можжевельником степь, и одни лишь любопытные посещают гробницу Херсониса. Какая превратность! Какой урок для смертных!“¹⁾). Далее он пишет: „Все проеханное мною сюда пространство от Георгиевского монастыря, верст на 10, усеяно правильно расположенными улицами, между коих заключаются равные отделения по 2000 шагов и валяются удивительной величины тесанные каменья, с выдолбленными на иных круговинами. Невозможно, чтобы всем это расстояние занимаемо было одним городом, но надлежит думать, что находился тут еще какой-либо другой город, а промежутки их имели на себе сады“²⁾.

¹⁾ П. Сумароков. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Часть I. 1803 г., стр. 199—200.

²⁾ То-же, стр. 207—209.

Мало что дает Сестренцевич-Богуш в своей достаточно фантастической „Истории Таврии“; единственно, здесь уделено место описанию предполагаемого храма Ифигении, не имеющее, однако, никакого особого значения¹⁾. Упоминает он также о загородных домах, усадьбах и садах херсонесцев (стр. 290).

Почти ничего не найдем мы относительно наших памятников в сочинении Муравьева-Апостола, довольно добросовестно с Страбоном в руках осматривавшего Херсонес и его окрестности. Он может только сказать следующее: „Заметим, что весь треугольник между Севастополем, Георгиевским монастырем и маяком покрыт был строениями городскими, предместий и загородных домов; но где пределы древнейшего Херсона, до которого места простирался новый город, которому Плиний дает в окружности 5 т. шагов (passus) 7 верст; где и какого рода были прочие здания, этого уже никак нельзя определить по развалинам, или лучше сказать, по одним признакам развалин, которые теперь остались²⁾. Уделено место в этой книге, как и полагается, поискам древнего Херсонеса и храма Ифигении.

Кеппен в своем „Крымском сборнике“ (1837), Кене в своих „Иследованиях об истории и древностях Херсонеса Таврического“ (1849 г.) (это относится и к сочинению Фабра „Достопамятнейшие древности Крыма“, 1859) решительно ничем не подвигают вперед данные о памятниках Тракийского полуострова.

Более дают иностранные обозреватели Крыма—Кларк³⁾ и Дюбуа де Монпере⁴⁾, особенно, последний. В своем обширном труде, сопровожденном любопытнейшим атласом, Дюбуа де Монпере уделяет место описанию Гераклейских памятников и высказывает по поводу них некоторые домыслы. Наблюдательному французу бросилось в глаза хозяйственное назначение ряда оставшихся сооружений. Он говорит о той роли, какую играла культура винограда в экономической жизни Херсонеса, и ставит связь с формами эксплоатации виноградников сохранившиеся остатки сооружений. Ему принадлежат и нeliшенные остроумия попытки реконструкции этих зданий, правда вне какой-либо хронологической перспективы. Дюбуа де Монпере высказал мнение, позже, как мы увидим далее, претворившееся в целую теорию, о сходстве некоторых из сооружений с фолосами, воспетыми Гомером. Интересны планы ряда сооружений, приведенные в атласе Дюбуа де Монпере.

Не останавливаясь на других авторах первой половины XIX века, перейдем к З. А. Аркасу, составившему по специальному поручению

¹⁾ Сестренцевич-Богуш. История царства Херсонеса Таврийского. Том первый, 1806 г., стр. 78—86.

²⁾ Путешествие по Тавриде в 1820 г. 1823 г., стр. 75.

³⁾ Clarke—Travels in various countries of Europe... 1817.

⁴⁾ Dubois de Montpereux. — Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abkahasy au Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée T. VI, 1843.

„Описание Ираклийского полуострова и древностей его“¹⁾. Аркас подробнее других останавливается на наших памятниках, считая их остатками древнего Херсонеса, хотя и не приведя в доказательство своего мнения особо убедительных данных. Главную ценность его труда представляют описания ряда оставшихся строений, сопровождаемые их планами (14 относятся к интересующим нас памятникам). Ценность этих планов велика и потому, что после Севастопольской кампании многие из этих памятников сильнейшим образом пострадали. Теперь, при воспроизведении новых планов весьма интересно считаться с данными Аркаса. Этим своим описанием и планом автор предполагает следующие замечания: «„Древний Херсонис“ построен был за несколько сот лет до Рождества Христова на западной оконечности Ираклийского полуострова, между мысом Херсонисским и Георгиевским монастырем, в 7 верстах на запад от Севастополя.

На этом пространстве и теперь видим в разных местах явные признаки первобытного поселения, как-то: остатки стен больших зданий, сложенных из больших камней и скрепленных между собой железными полосами, циклической работы; остатки обсервационных башен на курганах и возвышенностях, такой же работы, которые имеют по одной и более цистерне и колодцу, из коих некоторые содержат в себе и теперь воду,годную для питья; основания больших четырехугольных оград, заключающих в себе обработанную землю, на которых и доныне остались одичалые смоковничные деревья и местами иссохшие виноградные коренья, огромной толщины; на гладком каменном грунте — основания параллельных стен, имеющих направление на восток и запад, на расстоянии 3-х саженей одна от другой и между ними насыпана садовая земля; в некоторых скатах осталась терраса, употребленная нынешними хозяевами хуторов на посажение дерев; и наконец заметны и теперь фундаменты правильных дорог; две из них начинаются на возвышенности от развалин древнего Херсониса до 6 верст длины при 4 саженях ширины и, проходя в прямом направлении даже через глубокие каменные лощины, оканчиваются близ Херсонисского мыса; другие четыре дороги, также прямые и такой же ширины, идут попере^к от развалин древнего Херсониса к бухтам Стрельской и Тройной»²⁾.

Данные, приводимые Аркасом, как бы суммируют то, что дают описания путешественников первой половины прошлого века. Во всех них, в одних с большей, в других с меньшей обстоятельностью, фиксируются памятники, так сказать „на глаз“, без какой-либо даже предварительной исследовательской работы. В зависимости от остроумия и личной интуиции автора строятся те или иные гипотезы и предположения.

¹⁾ (Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древ. Т. II (1848 г.). Второе издание отдельной книжкой (1879). См. также то же. „Древности Ираклийского полуострова“ в „Журн. Мин. Внутр. Дел“, 1847, июль.

²⁾ „Зап. Одесс. Общ. Ист. и Древ.“ Том II, стр. 259—260.

Само собой разумеется, что на таком материале создавать научное описание памятников Гераклейского полуострова было нельзя.

Вторая половина истекшего века ознаменована была развитием археологических работ в России, при чем определенное место уделено было и древностям Крыма. Но здесь, как мы уже сказали выше, все внимание почти исключительно было центрировано на руинах Херсонеса и только его. Окружающие его памятники совсем почти не подвергались научному обследованию. Зато, правда, работали „счастливчики“ и кладоискатели, немало испортившие своими варварскими раскопками многие ценные памятники. Между тем, сама история Херсонеса, воскрешаемая систематическими раскопками, требовала изучения штавшей город „равнины“, а в первую очередь—загадочных сооружений Гераклейского полуострова. Археологические памятники, свидетельства древних авторов, эпиграфические документы — требовали подтверждения. Между тем, дело не двигалось вперед. Если мы возьмем обширную компиляцию Кондараки под громким и обязывающим заглавием „Универсальное описание Крыма“ (1875 г.), то об интересующих нас памятниках почти совсем ничего не найдем, если не считать буквально нескольких строк в 15-й части этого произведения (стр. 36 сл.). Давший через 37 лет сводку данных о Херсонесе Е. Э. Иванов не более полутора-двух страниц посвящает памятникам Гераклейского полуострова¹⁾. Почти не побудил к интенсивным раскопкам и обострившийся старый спор о местоположении древнего Херсонеса, особенно ярко отраженный в работах виднейших исследователей южно-русской археологии А. Л. Бертье-Делагарда (особенно в его работе „О Херсонесе“ 1907) и Э. Р. фон-Штерна („О местоположении древнейшего Херсонеса“ в „Зап. Одесского Общества Истории и Древн.“ 1908). Правда, А. Л. Бертье-Делагард производил некоторые археологические раскопки на полуострове, но, к сожалению, результаты их не были опубликованы.

Крупнейшей новинкой в деле изучения древностей Гераклейского полуострова оказались раскопки Н. М. Печенкина, проведенные им в 1910 году в направлении от Казачьей бухты до Херсонесского маяка²⁾. Исследователем обнаружены были остатки жилищ усадебного типа, ряды дорог и укрепленных стен. В подробностях обследованы были несколько домов, с которых были сняты соответствующие планы. Обнаруженный при раскопках инвентарь дал большое количество черепков чернолаковой посуды, ручек с клеймами, черепиц, глиняных и свинцовых грузил, фрагментов амфор и пифосов, монет. Хронологическая датировка относится к IV—II в. в. до нашей эры. Исследованный район охватывал пространство свыше 5 квадратных верст. Раскопки Печенкина помимо

¹⁾ Е. Э. Иванов—Херсонес Таврический („Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии“ № 46, 1912). Стр. 329—330, 333—334.

²⁾ Н. М. Печенкин—Археологические разведки в местности Страбоповского стального Херсонеса („Изв. Археолог. Комиссии“ Вып. 42, 1911 г.).

своих чрезвычайно существенных результатов несколько сдвинули дело с мертвой точки. Но монументальные сооружения типа кастелей и башен ждали своего исследователя.

Колоссальная кладка стен вызывала самые различные предположения. За самое последнее время Трахейским полуостровом занялся Л. А. Моисеев, заведывавший Херсонесскими раскопками и музеем. Производя тщательные осмотры памятников, он пришел к выводу, что относятся они к Микенской эпохе. В своем докладе, читанном зимой 1924 г. в Москве в заседании Историко-Этнографического Отдела НАВ, Л. А. Моисеев, иллюстрируя свое изложение немногими фотографическими снимками, старался доказать сходство отдельных памятников

Рис. 2. Раскопки близ Александриады. Общий вид центрального помещения до раскопок.

с мегаронами и фолосами. Конфигурации сооружений и самый тип кладки не могли относиться, по его мнению, к временам позднейших. Л. А. Моисеев на памятниках Гераклейского полуострова искал подтверждения своих теорий по ранней истории Тавриды¹⁾. Таково последнее, что было высказано по поводу занимающих нас памятников.

Вопросы, связанные, с типами памятников, их назначением, их хронологической датировкой оставались совершенно не разрешенными. Отдельными учеными высказывались различные предположения, появлялись различные домыслы. Если одни все еще говорили о руинах древнейшего

¹⁾ Ср. Л. А. Моисеев—Херсонес и Скифы. („Известия Таврич. Учен. Архиви. Комиссии“. Вып. 54).

Херсонеса, то другие говорили об остатках „укрепленных мыз“. Одни ученые настаивали на военно-оборонительном значении сооружений, защищавших Херсонес, другие видели остатки жилых помещений глубокой арханги. Хронологические датировки отличались большим разнообразием. Одни говорили о временах Микенских, другие настаивали на римской эпохе, третьи относили к переселению народов, четвертые даже говорили о временах значительно более поздних. Получалась своего рода „загадка Гераклейского полуострова“, требующая своего разрешения.

Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР, включающая в программу своей деятельности изучение памятников Крымской старины,

Рис. 3. Раскопки близ Алёксандриады. Угол А с внешней стороны.

постановила, согласно предложения Историко-Этнологического Отдела и состоящей при нем Центральной Комиссии по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа, направить в Крым осенью 1924 г. научную экспедицию для производства археологических исследований на Гераклейском полуострове. Работы экспедиции производились в сентябре месяце под руководством заведующего историко-этнологическим отделом НАВ проф. И. Н. Бородина и при ближайшем участии ученого секретаря центральной комиссии по изучению татарской культуры при НАВ проф. А. С. Башкирова. Непосредственное содействие экспедиции оказывал Крымохрис (Крымский комитет охраны памятников искусств и

старины). Необходимо отметить, что работа экспедиции все время встречала сочувствие со стороны Крымсовнаркома и Крымца.

Экспедиция поставила своей задачей путем углубленных археологических разведок выяснить основные типы загадочных сооружений Гераклейского полуострова и определить их хронологию. Прежде всего, членами экспедиции был совершен осмотр имеющихся на лицо памятников. При этих обзорах были произведены обмеры, описания, зарисовки, фото-снимки. Сразу же выяснилось, что памятников оказалось гораздо более, чем предполагалось. Экспедиция взяла на учет ряд сооружений, дотоле бывших неизвестными. К тем памятникам, о которых имелись те

Рис. 4. Раскопки близ Александрии. Угол Д.

или иные сведения, удалось присоединить, совершенно до сих пор не фиксированные. Описание всех имеющихся в наличии памятников Гераклейского полуострова стало настойчивым и насущным требованием; работу эту надо выполнить во чтобы то ни стало. Экспедиция подвигнула дело вперед, но требуется еще ряд доисследований и новых поисков. Во всяком случае материалы для составления археологической карты Гераклейского полуострова и легенды к ней подбираются и план в основных своих чертах уже наметился.

После предварительного осмотра и регистрации были выделены памятники, подвергнутые археологическим раскопкам в стационарной работе. Обследовано было подвергнуто: 1) укрепленный пункт, 2) руины

сооружения типа башни и 3) некрополь. Прежде всего работы были сосредоточены на укрепленном пункте, занявшем центральное место в экспедиционном исследовании.

Крупный укрепленный пункт расположен в северо-западном направлении от урочища Александриады (или так называемых Апаринских хуторов) к северу от военного шоссе, на расстоянии 1.300—1.400 метр. от берега моря. Руины стен колоссальной кладки (из сарматского известняка) рельефно выделяются в мелкой дубовой роще, носящей громкое название Дианиной рощи. Укрепленный пункт представляет собой вытянутый с С.-В. на Ю.-З. продолговатый четырехугольник, разделенный внутренней стеной (раскопками выявлены ее фрагменты) почти на две

Рис. 5. Раскопки близ Александриады. Общий вид центрального помещения от угла А.

равные части (прибл. по 25 метров). Одна часть была, повидимому, обширным двором, в юго-восточном углу которого имеются развалины монументальной круглой башни. Во второй части четырехугольника находилось солидное башнеобразное сооружение из двух пригнанных друг к другу неравных четырехугольников, вокруг которого помещались хозяйственные службы (складочные помещения, цистерны и т. п.). Вторая часть основного четырехугольника и была подвергнута углубленным археологическим разведкам в зондажном порядке, перешедшим в центре в раскопку. Разведки показали основные части плана, выясненные в своих главных деталях по вертикалям и горизонтальным.

На прилагаемом плане (рис. 1) можно видеть, что дало предпринятое исследование и в каком направлении велись зондажные работы. Приведем для большего пояснения некоторые данные обмеров.

Стена АБ = 24,60 метров, толщина = 1,70 метр, высота у угла А = 2,56 метра, у угла Б = 1,40 м. Стена БВ = 27 метров; стена ВГ (предположительно, так как угол Г не вполне выяснен расследованием) = ок. 25 м.; стены АГ = 26,20 м.

Зондажные траншеи по линии АГ заложены были в $1\frac{1}{2}$ метра ширины; центральная зондажная траншея, пересекшая основное здание пункта имела двухметровую ширину, глубина заложенных траншей варьировалась от 0,60 до 1,70 метра.

Рис. 6. Раскопки близ Александриады. Центральное помещение после окончательной раскопки.

Двухметровые квадраты сетки дают возможность по прилагаемому плану выяснить другие интересующие обмеры.

Раскопками обнаружены были три слоя, из которых первый, начинаясь с французских вещей средины XIX в. (эпохи Севастопольской обороны), доходит до византийской поливы; второй слой, по находкам, относится к римскому времени; третий слой (первый от скалы, на которой происходили наслоения) датируется вещами эллинистической эпохи (III—II в. до нашей эры). Слои характерны и типичны. Среди находок огромное количество фрагментов разнообразной посуды, чернолаковой (различного, в свою очередь, вида), краснолаковой, темно-серой (туземной, часто называемой „скифской“). Среди фрагментов на ряду с глад-

кими образцами обнаружены и орнаментованные. Особенно следует отметить любопытный для датировки „мегарский“ черепок. Много фрагментов амфор и массивных пифосов, грузил и других изделий. Обильно представлена черепица. Найдены также бронзовые монеты (Херсонесские) и одна свинцовая тессера.

Инвентарь найден в достаточно перебуторсном состоянии; первые два слоя в большинстве определенно нарушены. Видно, что пункт, если и не подвергался раскопкам, то на нем производились какие-то работы.

Несомненно, что он был использован французами во время Восточной войны. В верхних слоях обнаружены были относящиеся к тому времени предметы: кирка, пуговицы, пряжки и т. п. Возможно, что отсюда брались и камни; беспорядочно нагроможденные в центральной части каменные груды свидетельствуют наглядно об этом. Наконец, известно, что во времена Врангеля какой-то английский консул пытался здесь произвести раскопки. Один, на свой страх и риск, не соблюдая никаких правил археологии порылся этот „отважный мореплаватель“, ничего, повидимому, не обнаружив. Недачливый приемник Лейярда не нашел ничего ошеломляющего, но к порче памятника руку приложил.

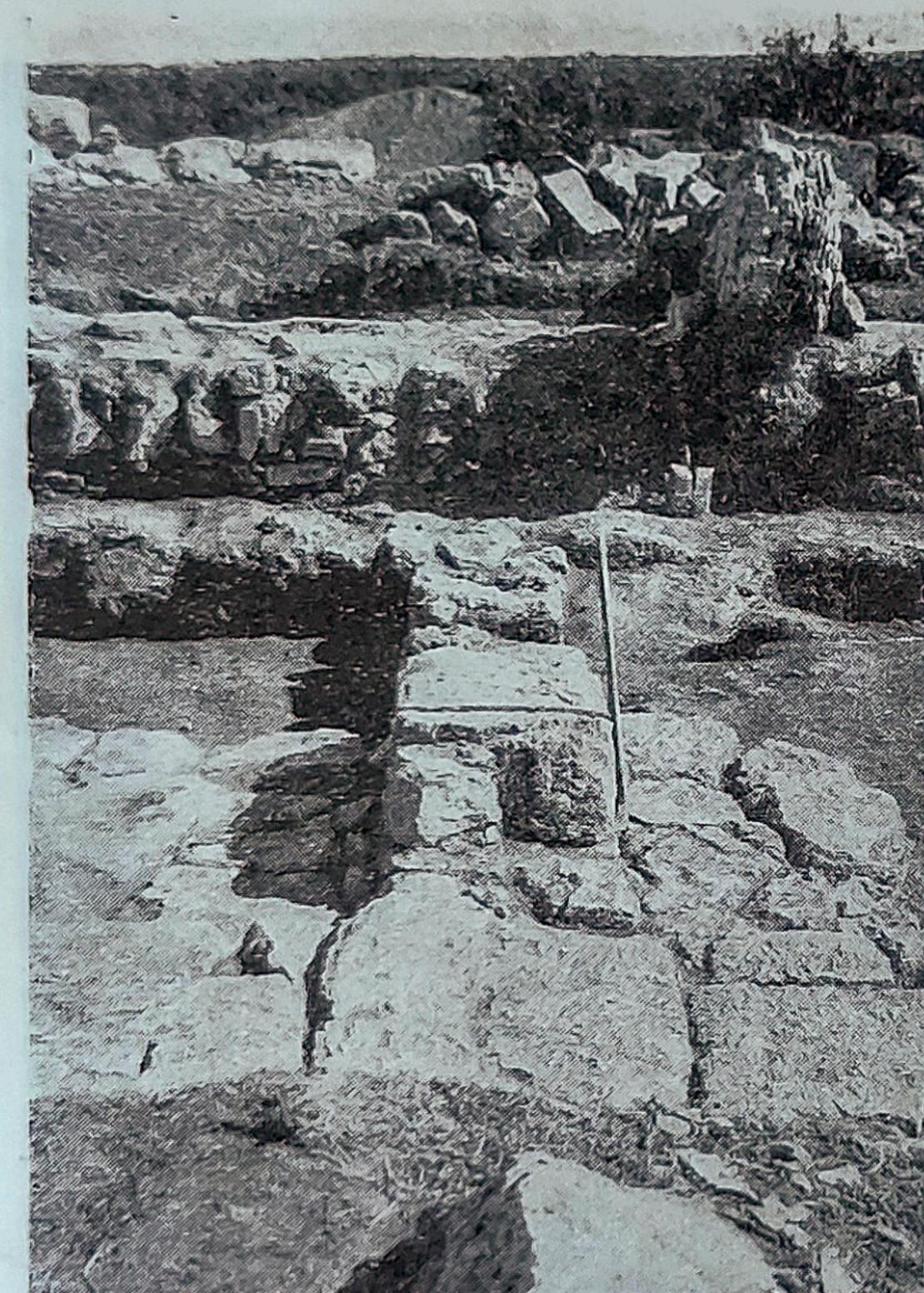

Рис. 7. Раскопки близ Александриады. Деталь—перегородка центрального помещения.

Несмотря на наши исследования, конфигурация комплекса более или менее выясняется (рис. 1, 2, 3 и 4). Если до сих пор за монументальными стенами громоздился хаос камней, то теперь уже совершенно определились фундаменты и стены центрального сооружения весьма своеобразной формы.

Тщательная археологическая раскопка главной части этого сооружения (первого и большего четырехугольника—ЗСТР по нашему плану) дала чрезвычайно любопытные результаты (рис. 5, 6). Прежде всего выяснилось, что здание делилось на две половины, определенно выявленной перегородкой—стеной (рис. 7). Пространство помещения между стеной ТР и обнаруженной кладкой „У“ почти все вымощено плохо обтесанными плитами (уровень 2-го слоя). В части, расположенной между грудой камней и углом, образуемой стенами СТ и ТР, обнаружено про-

странство в 1 кв. метр смятой земли, непокрытой вымосткой. При дальнейшем обследовании здесь обнаружена кухонная яма (глубина до 0,60 метра), наполненная золой, углем, фрагментами посуды, среди которых много мелких чернолаковых черепков. Около всех четырех стен четырехугольника обнаружены остатки панели; внутри же здания обнаружены вымостки пола. Около панели, примыкающей к стене ЗС, найден под полом в половой подсыпке у ступенек в камне панели бронзовая монета хорошей сохранности *) и тессера. В общем, внутренняя часть этого помещения была обследована до конца, и дала возможность высказывать некоторые предположения об его назначении.

Из других любопытных подробностей комплекса сооружений отметим две цистерны, соединенные внутренним желобом. На прилагаемой фотографии видна одна из цистерн (рис. 8), защищенных при работах; здесь же виден желоб, соединяющий эту цистерну с другой. Ворота по стене АГ определились с достаточной отчетливостью. На глубине 1,50 метра верхнего края камня α раскопка обнаружила остатки порога древних ворот из 4 каменных плит со ступенчатой порубкой (от 0,03—0,05 м.) во внутреннюю сторону здания и с 2 прорубленными пропорциональными отверстиями для дверных петель. Длина порога—2,70 метра; ширина—0,13 метра. Зондаж по линии АГ обнаружил, что стена, начиная от порога в восточном направлении,—поздней кладки, возникшей в результате какой-то большой перестройки.

Не останавливаясь на других подробностях, о которых мы предполагаем сообщить в специальном археологическом органе, мы скажем в заключение, что цель предпринятой нами археологической разведки была достигнута. Нами было расчищено громадное сооружение, выяснен его план. Правда, требуются еще дальнейшие раскопки, чтобы этот

Рис. 8. Раскопки близ Александриады.
Цистерна с водостоком.

*) По заключению старшего хранителя Российского Исторического Музея А. В. Орешникова монета относится к IV в. до нашей эры.

любопытный комплекс и не только первая, но и вторая половина его (с круглой башней) предстал во всей полноте. Тем не менее и теперь можно уже, как будто, говорить об его военно-хозяйственном назначении. Что касается до второй цели разведки — установления хронологии, то она вполне оказалась достигнутой. Наиболее раннюю хронологическую датировку можно отнести ко времени эллинизма, далее следует продолжительная римская эпоха, а затем уже слой позднейший. Как архитектурный план, так частично и инвентарь указывали на восточные,

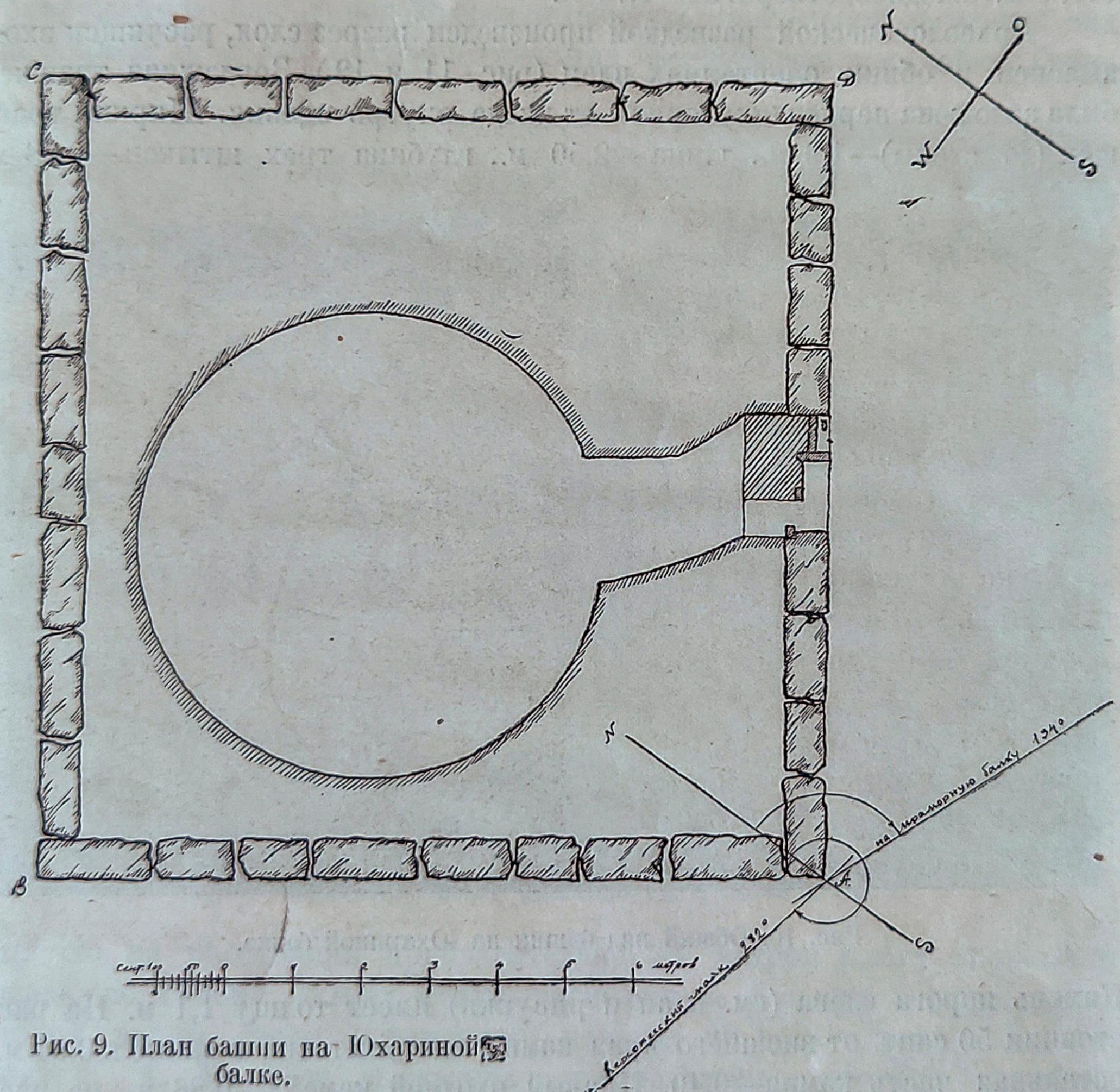

Рис. 9. План башни на Юхариной балке.

малоазиатские влияния, определенно сказавшиеся на этом комплексе. Римская эпоха (с соответствующими перестройками) заставляет искать аналогий в сооружениях Limes'a. Относительно назначения укрепленного пункта в связи с определившейся хронологией мы скажем несколько позднее, когда попытаемся суммировать результаты всех произведенных нами работ.

Для установления хронологических дат и выяснения типа так называемых „башен“ была совершена рекогносировка на остатки одного из

любопытнейших сооружений, расположенного на восточном склоне верхней Юхариной балки близ хутора Моркова (бывш. Евровского). Эта башня, сложенная из правильно описанных квадратов, имела чрезвычайно оригинальный план (рис. 9). Здесь в квадрат стен был вписан (хотя и неправильно) круг некоторого сооружения (возникшего, повидимому, по данным разведки) в результате перестройки после какого-то народа. Обмеры стен (см. план и рис. 10) дали следующие результаты: стена АВ—11,75 м., стена ВС—11,86 м. стена СД—11,63 м., стена АД—11,71 м., входное отверстие—1,75 м.

Археологической разведкой произведен разрез слоя, расчищен вход, выяснен в общих очертаниях план (рис. 11 и 12.). Зондажная траншея была заложена перпендикулярно—от входа внутрь здания. Ширина траншеи (до стены)—1,9 м., длина—2,50 м., глубина трех штыков—0,78 м.

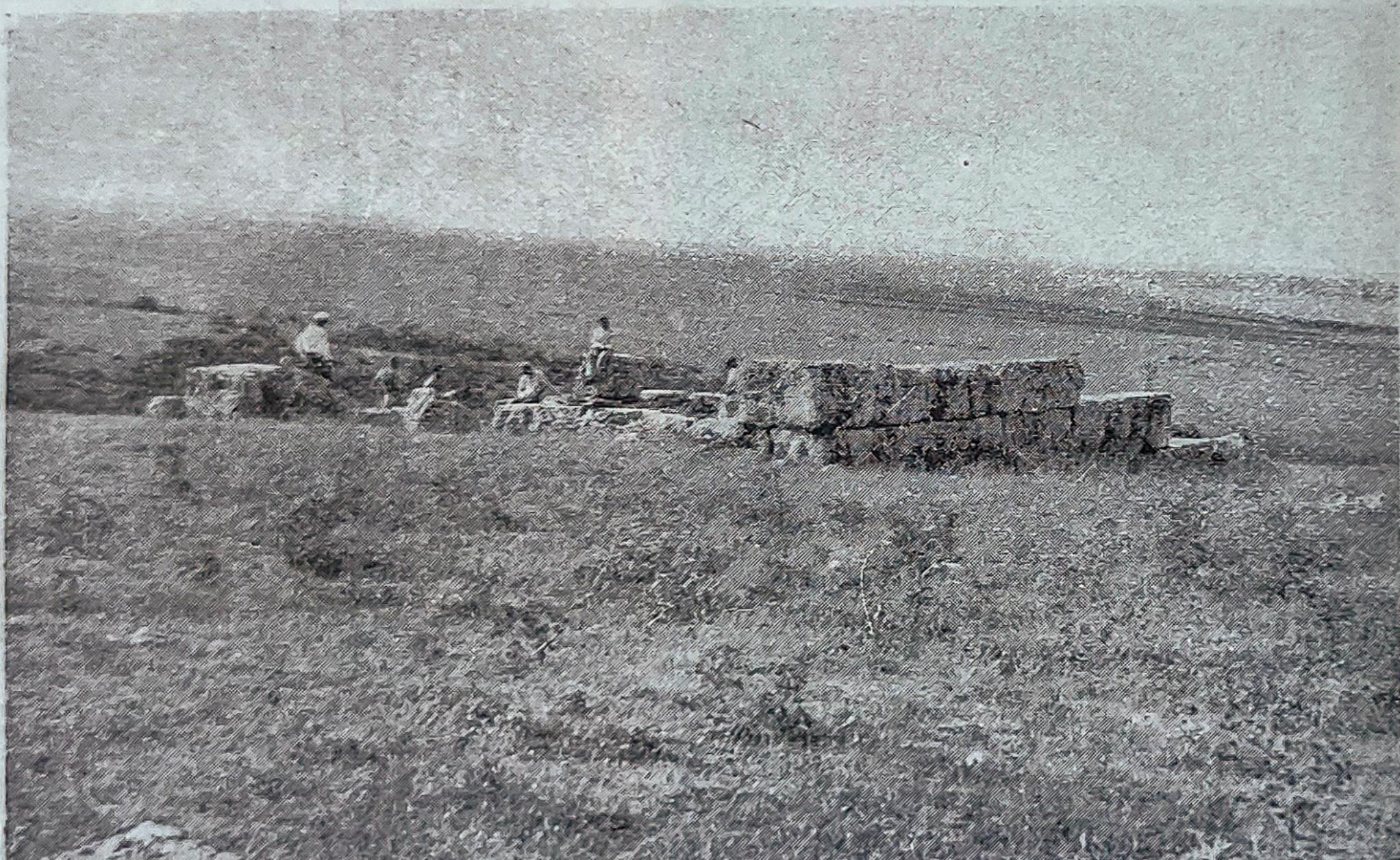

Рис. 10. Общий вид башни на Юхариной балке.

Камень порога слева (см. план и рисунки) имеет толщину 1,1 м. На расстоянии 50 сант. от внешнего края камня идет вытеска в камне в 0,04 м., остальная часть камня—0,40. Правый входной камень—0,86 м., на расстоянии 0,30 м. от внешнего края идет круглая выемка в камне в 0,10 м., (для болта). В траншее на глубине 0,78 м. от обнаруженного порога обнажена хорошо сглаженная скала. На ней фундамент здания из длинных тесаных плит; обнаружены три плиты: 1) 0,52 м., 2) 0,97 м., 3) 0,64 м. высота фундамента—0,27 м. На фундаменте лежит громадная плита входа в 2,40 на расстоянии 0,55 м. от ее левого края начинается кладка стен громадными каменными блоками. Вторая зондажная траншея (1,2 м. x 2,35 м. Зондаж—0,77 м.) была проведена от входа внутрь до обнару-

женной кладки круглого сооружения; здесь при раскопке обнаружены были следы пожара. В дальнейшем была определена конфигурация круглого сооружения (с уклоном влево около полукружия был продолжен небольшой зондаж $0,90 \times 2$ м., глубиной—1,27 м.).

Найденный при раскопках инвентарь дал почти аналогичную первой раскопке хронологию, по преимуществу римского времени. Найдены были в значительном количестве фрагменты чернолаковой и краснолаковой посуды, амфор, лощенной посуды, черепицы. Разведка на Юхарину балку носила чисто рекогносцировочный однодневный характер. Обнаруженную башню необходимо подвернуть тщательной раскопке; она много может дать для уяснения типа этой своеобразной постройки. Отме-

Рис. 11. Археологическая разведка на Юхариной балке.

тим, что на расстоянии приблизительно 30 метров к югу от входа в башню, по самому склону балки расположена большая пещера, около которой видны следы ограждений, идущие по всему склону. В свое время Л. А. Моисеев высказывал предположение, что это — нимфей. Пока, до соответствующего расследования, трудно высказаться за это.

Если первые два типа памятников экспедиция лично выбрала для своих работ, то третий памятник, можно сказать, сам нашел своих исследователей. Во время стоянки экспедиции в Александриаде одним из местных жителей было сообщено начальнику экспедиции, что в самой Александриаде и даже по близости от дома занимаемого экспедицией, обнаружены были, при производстве садовых работ, остатки погребения античной эпохи с хорошей сохранности инвентарем. Найденные в одной

могиле вещи были при этом представлены. Само собой разумеется, что было необходимо установить место находки и зафиксировать в случае обнаружения новый дотоле неизвестный могильник. По выяснении места случайной находки и обследования окружающей местности (близ хутора инженера Свешникова) решено было произвести раскопку.

Была заложена зондажная траншея шириной в 3 метра и длиной в 25 метров; на протяжении ее были вскрыты 11 могил, из которых 7 взрослых и 5 детских. Из взрослых два погребения были женские. Могилы взрослых врезаны глубоко в скале, перекрыты массивными плитами и камнями, детские—глубоко, в верхних слоях скалы (рис. 13). Обнаружено одно погребение через трупосожжение с амфорным пок-

Рис. 12. Расчищенный вход башни на Юхариной балке.

рытием. Погребения сопровождены небогатым, но хорошей сохранности инвентарем: красноглиняные кувшинчики, горшечки, блюдца на высоких ножках, фрагменты бус, кольца, бронзовые монеты и др. Приведем из дневника раскопок описания наиболее характерных из погребений.

Могила № 1. Ориентирована на ЮЗ. Размер могилы—2 м. 15 с. x 1 м. 13 с. x 0.66. Сверху сняты плиты: 4 больших и несколько мелких. Плита—2.50 м. x 0,94 м. x 0,19 м. Дно плит покрыто красным настеком. Обнаружен костяк; нижняя челюсть его отпала; череп повернут затылочной частью на юг. Найдено: 1 и 2) 2 бусы (у пояса), 3) бронзовые привески, 4) осколки 2-х раздробленных краснолаковых сосудов, 5) небольшой краснолаковый сосуд, вполне сохранившийся, стоявший между колен, 6) двуручный краснолаковый сосуд, стоявший в ногах,

7) золоченные стеклянные бусы, 8) то же, 9) круглая цельная буса из пасты, 10) синяя чичевицеобразная буса, 11) монета с изображением Артемиды с ланью, 12) широкое серебряное кольцо с небольшой камеей, 13), бусы, 14) круглая буса, 15) небольшая металлическая бляшка, сломанная в нижней части с ушком. В земле, пропущенной через грохот, найдено: 16) буса красная граненая из сердолика, 17) вставка-камень (для кольца), 18) буса желтой пасты, 19 и 20) 2 краснограненые бусы, 21 и 22) 2 небольших металлических колечка, 23) малая желто-зеленая буса, 24) граненая сердоликовая буса (почти квадратная) и 25) неопределенный металлический предмет.

Могила № 5. Раздробленная амфора с пережженным прахом (рис. 14). Длина—0,60 м., ширина—0,45 м., глубина—0,27 м. Состоит из

Рис. 13. Раскопки некрополя на Апаринских хуторах.

27 кусков. Лежит в ямке, высеченной в скале глубиной в 0,13 м., шириной 0,45 м. длиной 0,50 м. В земле, пропущенной через грохот, найдены остатки пережженных костей и кусков амфоры.

Обнаруженный экспедицией некрополь относится несомненно к римскому времени около нашей эры. Некрополь вскрыт лишь частично. Есть основание предполагать, что он занимал обширное пространство. До сих пор могильники здесь не фиксированы. Кроме хронологической датировки найденный при погребении инвентарь со всем основанием позволяет думать, что здесь было место вечного упокоения тогдашней сельской бедноты.

Кроме этих основных работ экспедиция производила и некоторые

другие археологические разведки. Так ее внимание привлечено было каменными кругами, давно уже являющимися загадкой. Эти круги, то одиночные, то парные, различных, передко чрезвычайно больших размеров, раскиданы в огромном количестве по всему полуострову. Большие скопления их, так-называемые „поля кругов“, располагаются обыкновенно около укрепленных пунктов и башен, как-бы находясь под их защитой. Относительно этих кругов были высказаны различные предположения. Считали их остатками каких-то хозяйственных сооружений, фундаментами хижин, даже особым видом погребений. Сотрудниками Севастопольского Музея Краеведения под руководством членов экспедиции был обследован один из кругов близ Александриады (рис. 15). Круг был вырезан из земли, никакого инвентаря обнаружено не было. Необходимо вскрыть целую серию кругов и тогда, быть может, и разгадано будет их назначение.

Мы уже упомянули, что в наших раскопках принимала участие учащаяся молодежь Севастополя, группирующаяся около полезнейшего и развившего большую активность краеведческого музея. Считая необходимым отметить непосредственное участие в деятельности экспедиции учащихся вузов Ленинграда и Москвы и большую и трудную работу принимавших участие в раскопках рабочих, вдохновляемых примером неутомимого старшего мастера херсонесских раскопок Н. З. Федорова, имеющего за собою 25-летний раскопочный стаж.

Подведем теперь некоторые итоги тому, что сделано экспедицией. Работы наши, ограниченные временем и средствами, носили в значительной степени разведочный характер. Тем не менее ряд поставленных задач удалось привести к решению и, если не выявить вполне „Гераклейскую загадку“, то во всяком случае значительно приблизиться к ее разгадке. Туман, реявший над памятниками, начинает рассеиваться...

Попытаемся теперь рассмотреть добытые нами результаты в свете имеющихся исторических данных. Как мы уже неоднократно говорили, исходным пунктом для всех суждений по истории и древностям Херсонеса служит греческий географ I в. до нашей эры – Страбон. Что

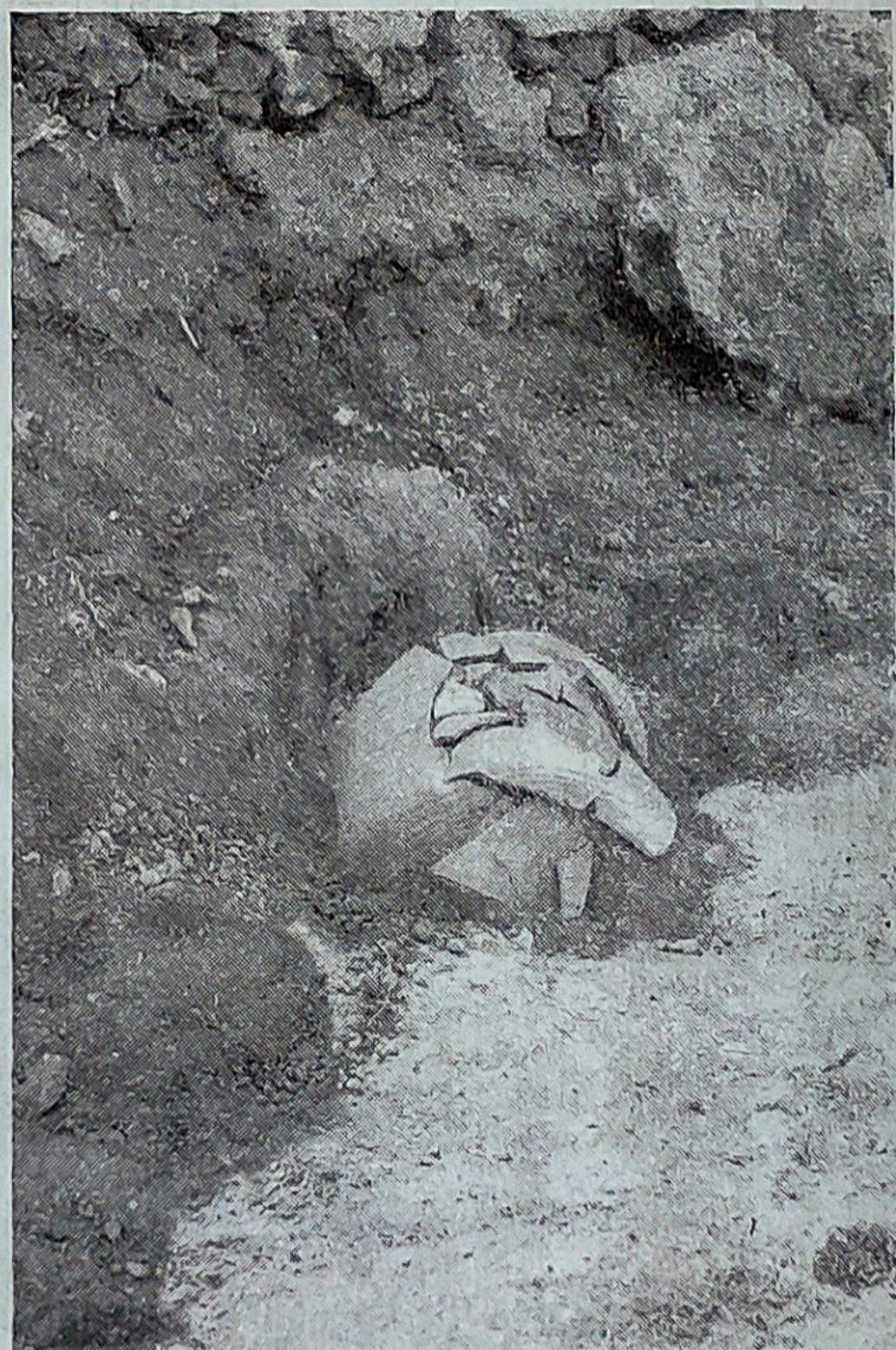

Рис. 14. Амфорное погребение.

можно извлечь из него для интересующих нас вопросов? Приведем целиком те места из его описания Херсонеса, которые так или иначе их затрагивают:

„2. Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет город и другая гавань херсонесцев. Затем, если плыть вдоль берега к югу выдается большой мыс, составляющий часть целого Херсонеса. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на южном берегу Понта называемый также Херсонесом (т. е. полуостровом) и находящийся в 4.400 стадиях плавания от устья Тиры. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед горо-

Рис. 15. Археологическое обследование круга близ Александриады.

дом на расстоянии 100 стадий, мыс, называемый Парфением (т. е. Девиным). В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть 3 гавани; затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали свои разбойничьи притоны тавры, скифское племя, нападавшие на тех, которые спасались в эту бухту; называется она бухтой Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом, образует перешеек в 40 стадий. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с полуостровом название—Херсонес...

„6. Что же касается Херсонеса, то за исключением горной области на морском берегу до Феодосии вся остальная часть его представляет

равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом; земля, вспаханная, как попало, любым пахарем, дает урожай сам-тридцать. Жители давали в день Митрадату 180.000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра вместе с азиатскими mestечками возле Синдики. И в прежние времена отсюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому, как соленая рыба из Мэотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам 2.100.000 медимнов. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами, вследствие того, что народы, обитавшие выше их, былиnomады, питавшиеся мясом разных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльм сыром, молоком и сывороткой (последняя, будучи особым образом приготовлена, составляет для них лакомство). Поэтому-то поэт и называл всех здешних жителей млекоедами. Номады занимаются больше войной, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающих заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег арендаторами, начинают с ними войну. Вот почему поэт назвал этих самых людей и справедливыми и вместе не имеющими средств. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата поступил Асандр, отгородивший стеной перешеек Херсонеса у Мэотиды, длиной в 360 стадий, и поставивший по 10 башен на каждой стадии. Земледельцы же, хотя и слывут в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению.

„7. Кроме перечисленных пунктов в Херсонесе существовали и укрепления, которые построили Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в военных действиях против Митрадатовых воевод, именно Палакий, Хаб, и Неаполь. Был также и Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митрадата“*).

Здесь, во-первых, интересно указание на имеющиеся уже во времена Страбона развалины древнего Херсонеса, отделенные от существовавшего при нем города 3 гаванями. Очень любопытны данные, посвященные хозяйственному укладу „равнины“, богатой хлебом, питавшим самый Херсонес и бывшим главным предметом его широко-развившихся торговых операций. Весьма существенны указания на способы охраны границ от степных нападений. Здесь особенно заслуживает внимания

*) Strabo VII, 4; Латышев — „Известия древних писателей греческих и римских о Скифии и Кавказе“ т. I, стр. 123 сл.; „Древний мир на юге России“. Изборник источников под ред. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. 1918 г., стр. 16 сл.

упоминание о грандиозных оборонительных постройках Асандра. Точно так же говорится об укреплениях, построенных Скилуром и его сыновьями с одной стороны и Митрадатовым полководцем Диофантом с другой.

Таким образом, из Страбона мы узнаем, какое значение придавалось эксплуатируемой хлебородной равнине и какие меры принимались с противоположных сторон для ее охраны и защиты.

Сопоставляя эти данные Страбона с различными другими свидетельствами и восстанавливая общий ход исторических событий, мы обращаемся к главным моментам бурной и сложной истории Херсонеса. С самых древних времен юг России находился в непрестанных и близких сношениях с Востоком, с его обильными и богатыми культурами, оказавшими громадное влияние на сменявшихся обитателей южно-русских степей. С этим миром восточных цивилизаций соединяло наш юг Черное море, „Превосходные гавани Южного побережья Крыма, — говорит акад. М. И. Ростовцев, — всегда были и не могли не быть широко открытыми воротами для культуры их влияний, шедших из таких же прекрасных гаваней южного побережья Черного моря: Трапезунда, Гераклеи, Синопы, Амиса, Крым же, с своей стороны, является южным, выдвинутым в море форпостом южно-русских степей“ *). Через Крым тянулась крупнейшая караванная торговля, поставлявшая сырье как на Восток, так и на Грецию. Недаром, поэтому, в захвате Крыма и его гаваней были заинтересованы борющиеся за сферу влияния крупные державы античного мира. Иранизм, эллинство, мало-азиатский мир, Рим — все они скрещивались на северном побережье Понта Евксинского в целях использования богатейших естественных богатств необычайных степных проворов юга России.

Херсонес был крупнейшим крымским центром торговых операций античного мира. Можно думать, что первоначально на Трахейском полуострове возникла небольшая ионийская стоянка, недолго, однако, самостоятельно просуществовавшая. Мощная дорийская колония на южном берегу Черного моря Гераклея Понтийская, широко развившая торговые операции, была явно заинтересована в том, чтобы иметь свою базу на северном побережье. Выходцами из Гераклеи захватывается ионийская станция и кладется начало Херсонесу. Новые поселенцы развили энергично свою деятельность, двигаясь вглубь от Гераклейского полуострова. С туземным населением велись частые военные действия: почти непрестанно приходилось то наступать на степь, то вести оборонительную борьбу. Надписи Херсонеса знакомят нас с этой бурной и беспокойной жизнью государства-города. Если Херсонес нес греческие, однако через призму раннего и позднего эллинизма (с примесью восточных, мало-азиатских элементов) влияния в среду туземного насе-

*) М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. 1918, стр. 2 сл.
Его же: — The Greeks and Iranians in South Russia, 1922.

ления, то в свою очередь он подвергался и обратно шедшему туземному влиянию. Нам хорошо известно, что культ великой туземной богини, восходящий в своих основах к древнейшим культурам М. Азии, был принят Херсонесом, поклонявшимся богине Деве. И в других сторонах жизни херсонесцев можно усмотреть эти туземные, определенно восточного отпечатка влияния. В чисто археологическом инвентаре необходимо посерьезнее присмотреться к той туземной темно-серой глиняной посуде, к которой довольно долго относились пренебрежительно. Между тем, места находок этой посуды и хронологические моменты ее сосуществования с посудой античной многое могут пояснить. В живых и непосредственных сношениях находился Херсонес с своей метрополией, получая непрестанно новые импульсы от эллинистических центров южного Черноморья.

В отдельные моменты эта связь усиливалась или ослаблялась. После времени большого процветания Херсонес переживает критическую эпоху в связи с большим скифским передвижением II века до нашей эры. Здесь новая поднявшаяся волна иранизма грозила затопить греческий культурный мирок. Возродившаяся скифская держава, опирающаяся на крупный городской центр близ нынешнего Симферополя, определенно покушается на прекрасную гавань Херсонеса и его обильно-возделанные виноградники. Херсонесу приходится прибегать к различным мероприятиям для своей защиты, обращаться за помощью к более сильным соседям, к своей метрополии, натравливать одного противника на другого и т. п. Надо сказать к чести херсонесских руководителей внешней политики, что маневрировали они не плохо. Особенно критическим было положение Херсонеса во второй половине II века, когда скифская крымская держава под водительством Скилура и его сына Палака вела энергичные наступления на Херсонес. Но в это время Херсонес находит себе защитника и покровителя в лице знаменитого Митридата Евпатора, создавшего тогда большую Понтийскую монархию в противовес ведшему наступательную политику на Востоке Риму. В сферу влияния Митридата попала и метрополия Херсонеса — Гераклея и другие города южного Черноморья. За метрополией последовала и колония. Митридат прекрасно учитывал громадное значение Крыма с его широкими возможностями доставления скота, хлеба, кожи. Кроме того, Крым был важен, как военная анти-римская база. Митридат, ловко используя катастроическое положение Херсонеса, вмешивается в крымские дела и посыпает своего полководца Диофанта для отражения скифских полчищ, уже подступивших к Херсонесу. Мы знаем из декрета в честь Диофанта, что этому полководцу удалось отбить все нападения и даже возвести укрепления.

Но Понтийская держава Митридата, державшаяся на жестокой эксплоатации аннексированных областей (в том числе черноморских), была недолговечна. Оправившийся после внутренних междуусобий Рим уничтожил все попытки создания новой восточной мировой державы.

После гибели Митраната и его преемника Фарнака Крым попадает в сферу влияния Рима. Правда, здесь некоторую роль играет Боспорское царство, распространившее свое влияние на Крымское побережье. Счастливому сопернику Фарнака—Асандру приписывается, как мы уже видели, большая строительная деятельность, сооружение ряда укрепленных пунктов для защиты территории от нападений степи. Но и Боспор в той или иной степени зависел от Рима. Римские императоры, I века, начиная с Августа, имели определенные устремления на Восток. Крым с его гаванями, всячими ресурсами и с стратегическим положением должен был быть использован, как плацдарм.

Особенной агрессивностью отличалась римская политика эпохи Нерона, за последнее время обратившая особое внимание исследователей*). Если и не удалось осуществить грандиозно задуманного похода Нерона на Восток, то все же большое значение имела экспедиция Плавтия Сильвана, один из отрядов которого отбил натиск скифов на Херсонес. Последний становится предметом особых забот римского правительства. В Херсонесе появляется римский гарнизон и стоянка флота. Кроме того для защиты от нападения степняков с одной стороны и пиратов с другой создаются укрепленные пункты, стоянки римских солдат. Несомненно, что в этих целях были использованы уже имеющиеся частично перестроенные сооружения. Эта же политика римской опеки над Херсонесом, в отдельные периоды нарушаемая, продолжается вплоть до крушения римской завоевательной экспансии.

Таковы основные линии истории Херсонеса за интересующий нас период. В какой же степени эти данные помогут нам разрешить недокументированные вопросы, связанные с памятниками Гераклейского полуострова.

Наиболее ранняя хронологическая датировка наших памятников—III—II в.—до нашей эры как раз отмечает ту бурную и тревожную жизнь, в которой находился Херсонес, подвергавшийся скифским нападениям. Совершенно естественно, что те сооружения хозяйственного назначения, которые реяли над виноградниками, принимали форму военно-укрепленных пунктов и башен. Херсонес придавал громадное значение культуре своих выделанных виноградников, бывших наряду с хлебом равнины источником его благосостояния. Из псефисмы Агасиклету, сыну Ктесия, мы видим, что чествование он получил за выполнение целого ряда ответственных поручений и занятия высших должностей. В числе выполненных им поручений упоминается: „размежевавшему виноградники на равнине“ **). Размежеваниям этим придавалось важное государственное значение. Следы такого рода делянок сохранились на полуострове; они, между прочим, обнаружены и раскопками Печенкина.

Для защиты и эксплоатации этих виноградников строились кастели

*.) Ср. недавний труд Е. Schur—Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923.

**) Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I, 1916, 418.

и башни, принадлежавшие общественным организациям или отдельным частным лицам. Эти сооружения, имевшие хозяйственныестройки внутри и вне стен, являли типы своеобразных комплексов, до сих пор мало изученных. Между тем, в истории заселения туземных местностей приходится считаться с этими военно-хозяйственными комплексами типа усадеб, кастелей, мыз, как с фактором колонизации. Военно-укрепленный характер объясняется как тем, что приходилось проникать (и не без сопротивления) в новую территорию и ее оборонять, так и системой устрашения эксплуатируемого населения, той бедноты, которая на своих плечах выносила всю тяжесть этого чрезвычайно интенсивного хозяйства.

Мы высказываем предположение, что раскопанное сооружение близ Александриады было одним из таких военно-хозяйственных пунктов, существующих на ряду с особыми оборонительными стенами ограждать и защищать экономические богатства капиталистического городского центра. Малоазиатские, эллинистические влияния особенно показательны для эпохи оживленных сношений Херсонеса с городами южного Черноморья, а затем и вхождения его в Понтийскую, всечерноморскую державу Митраната.

Второй слой, относящийся к римскому времени и носящий явные следы перестройки, опять-таки вполне совпадает с историческими данными. Как мы уже знаем, в I в. нашей эры римская великодержавная политика пыталась широко использовать Крым, в частности Херсонес. Для защиты последнего принимались различные меры, возводились укрепленные пункты, куда сажались римские солдаты. Как на южном побережье Крыма, в Ай-Тодоре, мы видим, что римское укрепление было наслобено на более древнем, туземного происхождения, так и на Гераклейском полуострове римскими оккупантами были использованы уже имеющиеся укрепленные пункты, соответствующим образом приспособленные. Это мы находим и в раскопках близ Александриады и в разведке на склоне Юхариной балки. В последнем случае мы имеем дело с характерным сооружением типа башни, использованной в эпоху римского владычества.

Что касается до некрополя, то он интересен тем, что знакомит нас с погребениями тогдашней бедноты, того зависимого, эксплуатируемого населения, которым правили именитые граждане Херсонеса, из города через укрепленные пункты державшие под железной пятой окрестных жителей и рабов.

Высказывая наши общие соображения, мы отнюдь не настаиваем на какой-либо их категоричности. Начатую работу надо продолжить в самых широких размерах. Экономическая и бытовая история нашего Черноморья, игравшего крупную мировую роль, должна быть выяснена со всей возможной полнотой.

Новые издания
научной
ассоциации востоковедения Союза ССР.

СЕРИЯ КНИГ:
**„ВОСТОК В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“.**

ВЫШЕЛ ВЫПУСК I

А. Ходоров и М. Павлович.

**„КИТАЙ В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“.**

Цена 1 р. 75 коп.

ВЫПУСК II.

**„ТУРЦИЯ В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“**

М. Павлович, В. Гурко-Кряжин, Ф. Раскольников.

ПЕЧАТАЕТСЯ
П. Китайгородский

**„ЕГИПЕТ В БОРЬБЕ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ“**

с предисловием Н. А. Алексеева.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ

ДАЛЬНЕЙШИЕ ВЫПУСКИ СЕРИИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПЕРСИИ, ИНДИИ, ЯПОНИИ
И ДР. ВОСТОЧНЫМ СТРАНАМ.

Адрес изд.: Москва, Никольская, 10.